

Первый сборничек лирики, изданный мизерным тиражом в Вологодской области в 90-х годах прошлого века, талантливый северянин Сергей Королёв представил на творческий конкурс в Литинститут, в который и был зачислен в очень юном возрасте — ему тогда было неполных 17 лет.

*Это чьи-нибудь семнадцать лет:
Вечный город мой и мост висячий,
Небо и крадущийся рассвет...
И никто ещё не накосячил
В жизни! и безвинны на миру.*

Что случилось потом? Где «накосячил»? Почему армия, родной колхоз, лесоповал, дворницкая, униформа охранника — про то читатель узнает из Серёжиных стихов. А ещё — многое узнает о его друзьях и родных, которые «*живут и боль свою молчат*», о родном городке Бабаево на Вологодчине, о том, как «*не дожил дня*» и «*в безвремении застрял*».

Защита диплома планировалась на весну, всё шло своим чередом: сессия, семинары, зачёты, лекции, предзащита. Обычный график работы студента выпускного курса. И вдруг!..

*— Повторите небо! повторите! —
Это я трагически ору...*

*Но не повторяют ни черта...
...В зале гробовая темнота...*

Нисколько не сомневаюсь, что, доведись ему защититься, это была бы блестящая, безоговорочная победа. Но в реальной жизни всё случилось не так, как планировалось и предполагалось. В январе 2006 года Сергей Королёв добровольно ушёл из жизни. Этот совершенно очевидный факт до сих пор не укладывается в моём сознании («*Всё ещё не постигая смерти вечную тюрьму*»). Тяжело говорить в прошедшем времени о полном жизненной энергии двадцатипятилетнем человеке. Спустя пять лет в его уход не хочется верить. Да и сам он в такое не верил: «*Мне туда не надо, я не дожил дня*»:

*Если судить по бабкам да по дедам,
Так жизнь моя не пройдена на треть;
Они не торопились умереть,
И я не тороплюсь за ними следом.*

Хотя, как я сейчас ясно вижу, всю свою недолгую жизнь Сергей как будто бы пытался писать завещание-предупреждение: друзьям, родным, любимым. Всем-всем-всем...

*Никакие не «вечные своды» —
Там суглинок да камень тяжёл,
Да дремучая темень природы,
Из которой однажды пришёл.*

Для Сергея это было априорное знание. Прошлое без будущего, вечное без иллюзий.

Природа была щедра к Сергею. Она одарила его не только талантом стихотворца, но и физической силой. Я

вспоминаю — в нём всё было замысленно красиво. И даже избыточно красиво, как у чеховского идеального человека. Сергей запоминался сразу же, с первой встречи, и после не терялся в памяти — ни внешностью, ни характером, ни стихами. Не терялся даже в пёстрой студенческой компании. Я помню профиль римского легионера, нос античного атлета, вечный камуфляж, чуть грассирующий выговор, как у русских эмигрантов первой волны. И эта странная манера — при разговоре смотреть прямо в глаза (не мигая, но и не видя), сквозь и мимо собеседника. От всего этого веяло таким холодом одиночества. Ещё помню, что Сергей обладал недюжинной силой и вспыльчиво-отходчивым характером, он был остроумен и сосредоточен и, как я сейчас понимаю, очень уязвим и абсолютно неприспособлен к тому, что называется «большая жизнь».

*Я верю: это было в старину!
И в то, что снова повернётся детством
Большая жизнь: я запросто стряхну
Невинную задумчивость младенца —
И повторится вечное кино...*

Не повернулось, не стряхнуть, не повторится. Жизнь слишком сурова, чтобы быть неправдой вечного кино.

Сергея Королёва очень ценили все, кто его хорошо знал. За талант, бесребреничество, за неведомую внутреннюю тайну, которую он навсегда унёс с собой. Унёс Туда —

*Где бабушка с седыми волосами,
И после жизни мы в своё окно
Из смерти в жизнь заглядываем сами.*

Воистину прав великий Лорка, говоривший о том, что самая печальная радость — быть поэтом, всё остальное — неважно.

Сергей был и остаётся Поэтом.

Первая публикация — в книге Сергея Королёва «Повторите небо» («Воймега», 2011).